

АЛЕКСАНДРЪ ЯБЛОНОВСКИЙ

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ.

Всякому из нас, русских, приходилось, конечно, слышать иностранные комплименты по адресу родной литературы и даже застенливо.

Вы идете в побѣдѣ, и вашъ сосѣдъ, узнавши въ васъ русскаго, въжливо наклоняется къ вамъ и начинаетъ длинный разговоръ о томъ, что вы въ восторгѣ отъ русской литературы, что «вашъ Достоевскій и вашъ Толстой» — действительно великіе писатели, но что «Толстоекскій» правится ему больше.

Мнѣ случалось видѣть среди иностранцевъ даже пропагандистовъ — толстовцевъ.

Одна ибика-вегетарианка, вида, что я былъ мясной котлетой, даже въ диспутъ со мной вступила:

— Знаете ли вы русскаго писателя Толстоекскаго?

— Понятія не имѣю, сударыня...

— Оно и видно: иначе вы не были бы трупомъ животнохъ. Я очень сожѣтую вамъ непременно прочитатъ вашего писателя Толстоекскаго...

И однако же, какъ ни популярны эти два имени заграничей, но наша литература въ дѣломъ еще является для иностранцевъ неизвѣстной и неоткрытой страной.

Пупкина иностранцы не знаютъ и не понимаютъ. Какъ ни старался И. С. Турневецъ разъяснить Флору красоту пушкинскаго гѣня, — по чужая душа француза осталась холодна и слѣла къ пушкинской красотѣ.

— Онъ пошловатъ, вашъ поэтъ...

Это сказалъ Гюставъ Флоберъ, великій мастеръ слова и тончайшій цѣнитель искусства.

Мало знаютъ за границей и Чехова, и Бунина, и Куприна, а что касается Максима Горькаго, то, падше на сенсацию, иностранцы знаютъ, кажется, больше его «босающую» биографію, чѣмъ его произведенія.

Это сравнительно малое знакомство Европы съ буйнымъ ростомъ буйнаго русскаго таланта объясняется, быть можетъ, чрезвычайной скромностью русскіхъ дарованій и непобдимымъ, чисто русскимъ, отвращеніемъ къ рекламѣ.

— Русскій человекъ и талантъ свой показываетъ какъ-то изъ-подъ полы, точно онъ его укралъ и стыдится передъ людьми.

Играетъ, конечно, роль (и даже очень значительную) и скромный сюжетъ скромнаго русскаго романа и разсказа. Большой русскій талантъ просто стыдился бы остановитъ свое художественное вниманіе на сюжетѣ вроде гѣхъ, какіе эксплуатируетъ, хотя бы испанецъ Бласко Ибаньесъ, авторъ прославленнаго романа — «Кровь и Песокъ».

Отъ самаго этого заглавія пахнетъ улицей, бульварной газетой и кинематографомъ.

А между тѣмъ, для широкой европейской и американской публики такое заглавіе и такой сюжетъ имѣютъ огромное и совершенно безспорное значеніе.

И даже не только для публики.

Когда въ Парижѣ, въ прошломъ году, пышно праздновали 300-лѣтній юбилей Мольера, и Франція привѣтствовала иностранныхъ писателей, събѣхавшихся на торжество со всего міра,

то самыя шумныя авадіи и самыя бурныя рупколексканія достались — знаете, кому?

— Испанцу Бласко Ибаньесу!

— Вотъ оно что значить — «Кровь и Песокъ»!

А между тѣмъ, въ русской литературѣ знаменитый испанецъ занялъ бы свое литературное мѣсто гдѣ-нибудь по срединѣ между Верблицкой и Поталенкой. У насъ онъ и подумать бы не смѣлъ о лаврахъ перваго писателя въ странѣ. Да и можно ли, говоря по совѣсти, поставитъ его рядомъ съ благоухающимъ, тонкимъ и ибжнымъ, Чеховымъ, или съ ныбншимъ королемъ русскаго разсказа, И. А. Бунинымъ?

Но «Кровь и Песокъ» дѣлаютъ свое дѣло въ широкой публикѣ, и испанецъ Ибаньесъ, конечно, неизмѣримо популяризе нашего Чехова.

Нужды нѣтъ, что Чеховъ или Бунинъ удавились бы прежде, чѣмъ дать своему произведенію такое кинематографическое заглавіе, — но именно оно, это бульварное, это вульгарное заглавіе, и пролагаетъ пути къ мировой славі.

— «Слава въ прихотяхъ воляна», и любая пьеса Шекспира, конечно, соберетъ меньше зрителей, чѣмъ фейерверки гдѣ-нибудь въ Лунапаркѣ.

Очень можетъ быть, что именно эта скромность русскаго писателя и его благородная привычка — работать для просвѣщеннаго меньшинства и были причиной того, на первый взглядъ страннаго и непонятнаго явленія, что въ всѣхъ художниковъ русскаго слова еще никто не получилъ нобелевской преміи.

Уже прошло двадцать два года съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ эта премія — и ни однажды раза эти нобелевскіе лавры не увѣнчали русскаго чела.

— Не поразительно ли это?

— Сюли Приютомъ, Халитто Бенавенте, Густавъ Френсенъ и Карль Гельбрунъ, конечно, никогда не пользовались ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, такой популярностью и такимъ единодушнымъ и непрекаемымъ признаніемъ, какъ Левъ Толстой. А между тѣмъ, эти иностранцы ягнито обсакали русскаго Льва; они увѣнчаны преміей, а Толстой нѣтъ.

Возьмите любого грамотнаго европейца — англичанина, француза, русскаго, нѣмца, поляка, шведа, чека и т. д. — и спросите ихъ: — Кого вы больше знаете: Хадито Бенавенте, или Льва Толстого?

И я даю голову на отвѣченіе, что такое голосованіе будетъ не въ пользу Бенавенте. Про «Толстоекскаго» намъ въ каждомъ трамваѣ разскажутъ, хотя на международномъ конкурсѣ талантовъ Халитто Бенавенте съ Густавомъ Френсеномъ и обсакали этого «Толстоекскаго»!

— Отчего бы это, однако? По какой-токой причинѣ?

Журналъ «Спелохи» склоненъ объяснять эту задачу политическими и дипломатическими причинами. Швеція, дескать, была недовольна русской политикой и отношеніемъ Россіи къ Финляндіи. И потому Толстой, который тоже былъ недоволенъ русской политикой, не получилъ нобелевской преміи.

На такой же точкѣ зрѣнія стоялъ и Максъ Нордау, который видѣлъ въ нобелевской преміи

LOLO.

КЛОЧКИ ВОСПОМНАНІИ.

(Изъ бѣженской тетради).

I.
... Сіжу у моря — и чредой.
Какъ волны съ пѣною сѣдой,
Бѣгутъ, бѣгутъ воспоминанья
О первыхъ, жуткихъ дняхъ изгнанья:
Сіжу у моря... Но съ тѣхъ поръ,
Какъ насъ прогнали изъ Одессы
Коммунистическіе бѣсы, —
Не вѣрнть морю робкій взоръ,
У волнъ не ищетъ утѣшенья...
Я помню ужасы крушенья,
Сліянный съ моремъ небосклонъ,
Свирѣпный, бѣшеный циклонъ,
Безумье, вопль бесплодныхъ жалобъ,
Кипящихъ волнъ немолчный гуль,
Прыжки въ пучину съ мокрыхъ палубъ,
Стада прожорливыхъ акулъ,
Что подплывали къ намъ, почуявъ
Духъ «недострабланныхъ буржуевъ...»
Да, я избѣдаль этотъ адъ,
Отъ чрезвычайки удирая...
Но, тотъ, кто разъ бѣжалъ изъ «Рая»,
Не возвращается назадъ!

II.
... Помню — послѣ испытаній,
Послѣ тягостныхъ скитаній —
Я нашелъ радушный кровъ
На одномъ изъ островковъ
Милый Принкипо! Съ улыбкой
Я пою на лирѣ зыбкой
О чертогѣ свѣтлыхъ грезъ —
Съ голубыми небесами,
Съ золотыми волосами
Цѣломудренныхъ мимозъ, —
Гдѣ въ лазоревой эмали,
Въ блѣднорозовой вуали,
Въ часъ заката дремлютъ дали,
Гдѣ мечтатель-кипарисъ

Всѣмъ, которые страдали,
Всѣмъ, которые устали,
Тихо шепчетъ: примирились!...
Гдѣ загадочно-спокойный,
Вспоминая отчій край,
На часахъ томился знойный
Экзотическій сипай...
Гдѣ весь день поетъ шарманка,
И, прикрытая густой,
Вѣчно-траурной фатой,
Бродитъ сонная турчанка...
Гдѣ, забывъ античный вѣкъ,
Продавалъ практичный грекъ:
Сыръ, лимоны, панталоны,
И халву, и макароны,
Книги, фиго и миндаль,
И валюту, и кефаль...
Тамъ теперь царитъ Кемаль,
А грекосъ, ругая «Лигу»,
Взявъ съ собой на память фиго
И въ слезахъ умчался вдаль.

III.
Островокъ любви и мира,
Пестрый бѣженскій кружокъ...
А потомъ — въ столицу міра
Неожиданный прыжокъ...
Опыяенне пилигрима.
Хмѣлемъ звонкой суеты...
Пробужденье: гибель Крѣма,
Смерть отравленной мечты...
«Учредилка», споръ о «власти»,
Говоренья старый грѣхъ...
Политическія страсти
Патриотовъ разной масти
И продажный, сытый смѣхъ
«Смѣны вѣхъ».

И такъ проходятъ дни изгнанья...
Сіжу у моря — и чредой,
Какъ волны съ пѣною сѣдой,
Бѣгутъ, бѣгутъ воспоминанья...

Цоппоть, Июнь 23 г. *Lolo*

лишь дипломатическую любезность, оказываемую иностранцамъ не по заслугамъ ихъ писателей, а по заслугамъ ихъ дипломатовъ.

Я, съ своей стороны тоже думаю, что Максъ Нордау былъ очень близокъ къ истинѣ, и что неудовольствія, которыя были у шведовъ противъ русскаго правительства, являются главной причиной, почему въ Стокгольмѣ забыли о русской литературѣ.

Еще въ прошломъ году въ парижскомъ союзѣ русскіхъ писателей и журналистовъ подымалась рѣчь о томъ, что нобелевскую премію сдѣлало бы присудитъ «всей русской литературѣ» и П. Н. Милоковъ говорилъ, что на это имѣются нѣкоторыя (правда, очень маленькія) надежды.

Но премію получилъ Анатоль Франсъ.

Потомъ въ «русскомъ Парижѣ» прошли «голодные слухи», что Франсъ, какъ очень богатый человекъ (свыше двухъ милліоновъ франковъ годового дохода) сдѣлаеть благородный жестъ и откажется отъ преміи въ пользу своихъ русскіхъ собратьевъ, лишенныхъ отечества и пережившихъ на родинѣ и совѣтскій потоги, и коммунистическое землетрясеніе.

Но Анатоль Франсъ, конечно, никакого жеста не сдѣлаеть (можетъ быть, потому, что изъ

французскаго снобизма онъ счтаетъ себя «большевикомъ въ душѣ»).

Я не знаю, кому достанется нобелевская премія въ настоящемъ году. Но очень боюсь, что и ныбннимъ совѣтскимъ правительствомъ Швеція тоже едва ли останется довольна и что, такимъ образомъ, русской литературѣ опять придется подождать, пока въ Россіи «удетъ» выработана настоящая конституція и будетъ созданъ настоящій парламентъ.

Однако, если бы шведы пожелали придать своей преміи не дипломатическій, а литературный характеръ, то изъ простаго еслбюдения международныхъ прилчій, имъ бы сдѣловало вспомнить, что на свѣтѣ существуетъ и русская литература и что она отноди не отвѣчаетъ за доброяественность русскаго правительства.

Притомъ же, и кандидатъ отъ Россіи стоять у всѣхъ передъ глазами:

— Имя Ивана Алексѣевича Бунина можетъ всѣхъ объединитъ!

Александръ Яблоновскій

ОСИФЪ МАТУСЕВИЧЪ.

АНТИХРИСТЪ.

(Разсказъ).

Уборщикъ Лукашкинъ не столько подметалъ, сколько развозилъ грязь по каменному полу. Онъ былъ мотъ и совсѣмъ не подметалъ — кто ему, пролетариату, теперь указъ! — Но онъ дѣлалъ это не по обязанности, а по собственной охотѣ. На развѣтѣ, когда подметаешь, можно иногда кое что и найти и это вовсе не диковина здѣсь, на вокзалѣ. А Лукашкинъ большой охотникъ до находокъ. Третьяго дня, напримѣръ, онъ нашелъ жестяную крышку отъ чайника, совсѣмъ хорошую. Махнулъ метлой подъ лавкой — что тобрякнуло. Посмотрѣлъ: крышка! Штука, правда, хрѣвоная и ему, Лукашкину, будто и ни къ чему. А только поди-ка, попробуй, купи ее, или по ордеру — шинь собачій получншь!.. А подметать такъ, безъ интересу кому же въ голову придетъ? Все равно подметать или не подметать, чище не станетъ. Оди голуби сколько нагадили! Намедни комиссаръ: «откуда, говоритъ, тутъ столько голубей? Всѣ вокзалъ запакоптили?» Откуда! Съ воли налетѣли, ясное дѣло. На дворѣ морозъ и никакаго клева, а тутъ какъ никакъ тепло, не выжигитъ, и крошки и всякая дрянь... Ишь вонъ, сколько ихъ! Всѣ капризы обсадили. Что съ ними, чертями, подѣлаешь. Киш! Киш! Фюють!

Лукашкинъ швырнулъ метлу въ стайку голубой, живо подбравшихъ какой то коры на каменномъ полу, въ мусорѣ около лѣстницы.

Голуби взмыли съ металлическимъ шуршаніемъ крыльевъ и улетѣли подъ потолкомъ, на выступавшъ карниза, въ глубинѣ которыхъ видѣлись ихъ гнѣзда.

Метла уперлась въ мягкое, по плотное.

— Эге! Чтой-то есть!

У Лукашкина блеснули глаза. Онъ сталъ на колѣни, потявъ подъ лѣстницу рукой, нащупалъ какія-то тряпки, потянулъ къ себѣ. Тряпки вдругъ зашевелились. Лукашкинъ испуганно отдернулъ руку. И тогда же — Лукашкинъ не успѣлъ еще и на ноги встать, — изъ подъ лѣстницы вышло что то такое запутанное въ тряпкѣ, что ни одному умному человеку не догадался бы, что это такое. Но Лукашкинъ сразу догадался и рука его безпомощно, дѣбно ухватилась за шиворотъ.

— Ты опять тутъ, Антихристъ, завелся? Пропаста на васъ тутъ нѣтъ, олободовъ!

Лукашкинъ потрясъ Антихриста, и отпустилъ на полъ.

Изъ кучи тряпья высунулась сначала веключенная лапа, потомъ показались двѣ пощры. Въ пощрахъ звучно дернуло и вежануло. Затѣмъ, чуть повыше пощры прорѣзались двѣ щелочки и сквозь нихъ блеснули два синихъ пятнышка. И сейчасъ же подъ пощрами раскрылась широкая пасть и сладко, длительно зѣвнула. Откуда-то сбоку, изъ тряпья высунулась растопыренная крохотная пятерня и нестерово заскребла въ пасть на головъ, и за шиворотомъ. Въ тряпкѣ все зашевелилось, заходило.

Лукашкинъ смотрѣлъ на это пробужденіе жизни сверху внизъ, точно разглядывалъ это гдѣ то въ щели пола, смотрѣлъ и свирѣпо таранился.

— Я тебя, шиваго, за что позавчерасъ отдубалъ и выбросилъ? А? Что я тебѣ, сунуку сыну, сказалъ? Чтой духу твоего тутъ не было! А? А ты, щенокъ, ондѣ тутъ! Что я те перъ съ тобою сдѣлаю?..

Лукашкинъ яростно таранился на свою жертву, точно готовясь схватить ее зубами и растерзать въ клочки.

Но жертва, повидимому, была равнодушна къ грозившей ей опасности. Она поеживалась отъ холода, почесывалась, а два синихъ пятнышка внимательно слѣдили за болышимъ, наклонившимъ лицомъ, на которомъ такъ занято выпучивались глаза, двигались густыя брови, а ушы древодемъ торчали изъ пощры, да еще шевелились.

— У, Анахтема! — разрѣшилъ наконецъ свой гнѣвъ Лукашкинъ и метлой смахнулъ пойманнаго. Комъ тряпья покотился по полу и хрипящій мальчишескій басъ неожиданно огласилъ пустынный залъ и вспугнулъ голубей на карнизѣ.

— Цыть! — заоралъ Лукашкинъ, покрывая ревь и метлой загревъ и метнулъ кучу тряпья.

Ревъ сразу оборвался и комъ тряпья, подталкиваемый и направляемый метлой, сталъ передвигаться въ сосѣдній залъ.

Въ залѣ сѣднато третьяго класса, около кассы, — гдѣ ужъ съ вечера стояли двѣ очереди: гражданская и красноармейская, Лукашкинъ разскребалъ милліонера Михайлюка и метлой продвинулъ къ нему свою находку.

— На, Получай.

Михайлюкъ равнодушно покасился на пойманнаго.

— Еще поймалъ?

— Дытъ оны на вокзалѣ, какъ вши въ рубахѣ. Завелся — не выведешь.

Михайлюкъ осмотрѣлъ тряпья.

— Этого я какъ будто знаю. Тебя какъ звать?

— Мишъ? — пробасило изъ тряпья.

— А то кого же? Тетку твою, што-ль?

— Мишъ? Пантюшка.

— Тыбъ я видѣлъ на прошлой недѣлѣ въ дефективннхъ?

— Мишъ.

— Кто же тебя выпустилъ отсюда?

— Самъ уберъ.

— Ахъ, ты, сволочь! Какое же ты имѣлъ полное право уберъ?

Но Пантюшкѣ ужъ повидимому надоело разговаривать съ милліонеромъ. Онъ звучно дернулъ носомъ и все еще поеживаясь и почесываясь, незаметно передвинулся поближе къ туго набитому мѣшку и коринкѣ, стоявшихъ у чихъ то валенокъ.

Сначала ногой, а потомъ и рукой онъ осторожно пощупалъ мѣшокъ...

— Тетка, гляди-ко, къ мѣшку твоему подобрался, какъ бы чего не уперъ!

Пантюшка отдернулъ руку и огрызнулся на голосъ доносчика изъ красноармейской очереди:

— Чего врать-то! Очень мнѣ пужно!

— Стой смирна, стервецъ! — гаркнулъ Михайлюкъ и такъ рванулъ Пантюшку отъ мѣшка, что тотъ покотился кубаремъ и головой уткнулся въ животъ Лукашкина. Лукашкинъ огрѣлъ его за это метлой. Но ударъ пришелся въ толщу тряпки и Пантюшка не почувствовалъ его. Онъ сердито, исподлобка сверкнулъ на Лукашкина голубыми пятнышками и пробасилъ укоризненно:

— Чего ты, дура, дерешься!

— Ну-ну! Поругайся еще ты тутъ, обѣдокъ собачій! Убирай его, Михайлюкъ, отсюда не меша, а то я изъ его гѣсто сдѣлаю.

Сонные до того глаза Михайлюка вдругъ завертелись и засверкали, какъ колеса фейерверка.

— Да что я тебѣ подрадилъ убирать ихъ? Ты уборщикъ, ты и убирай.

Лукашкинъ спокойно векинулъ метлу на плечо и повернулся уходить.

— Наше дѣло отъ мусора вокзалъ чистить, а отъ людей — наше дѣло. Хонь — веда, но хонь — не веда. А чтой его тутъ не было.

И пошелъ съ метлой на плечѣ, важно выгнувъ спину.

Михайлюкъ скерно заругался вѣдѣ и да же пошелъ за нимъ, швыряя въ выпущую спину бульжнныя слова.